Leyla Imm

Руни и Вечность

Лирическая повесть

Leyla Imm

Руни и Вечность

«Автор»
2026

Imm L.

Руни и Вечность / L. Imm — «Автор», 2026

Руни исполнилось одиннадцать. Лето заканчивается, но он уверен: пока он сам не скажет лету «пока», оно никуда не уйдёт.Одна сентябрьская неделя — и целая Вечность: мамина кухня, волшебный лазурит из папиной коллекции, старый плюшевый волк, который знает обо всём на свете, лист ясеня для девочки с серыми глазами и многое другое.Лирическая повесть для взрослых, которые помнят, что они дети.

© Imm L., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. У мамы на кухне 7
Глава вторая. Точка сборки 9
Глава третья. Лишь бы она смеялась 11
Глава четвёртая. Глянцевое море 12
Глава пятая. Держаться молодцом 14
Глава шестая. Трое друзей 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Руни и Вечность

Leyla Imm
Руни и Вечность
Пока Руни не скажет лету «пока»
Лирическая повесть

Всем взрослым, которые помнят, что они дети

Оглавление
Глава первая. У мамы на кухне
Глава вторая. Точка сборки
Глава третья. Лишь бы она смеялась
Глава четвёртая. Глянцевое море
Глава пятая. Держаться молодцом
Глава шестая. Трое друзей
Глава седьмая. Царство минералов
Глава восьмая. Одной крови
Глава девятая. Лунная река
Глава десятая. Глаза как грозовые тучи
Глава одиннадцатая. Не просто камни
Глава двенадцатая. Река из школьников
Глава тринадцатая. Ясень и ива
Глава четырнадцатая. Если… если захочешь
Глава пятнадцатая. Маленькие дары любви
Глава шестнадцатая. Пока — и до встречи
Эпилог. Небо в кармашке

Глава первая. У мамы на кухне

Руни и Зима

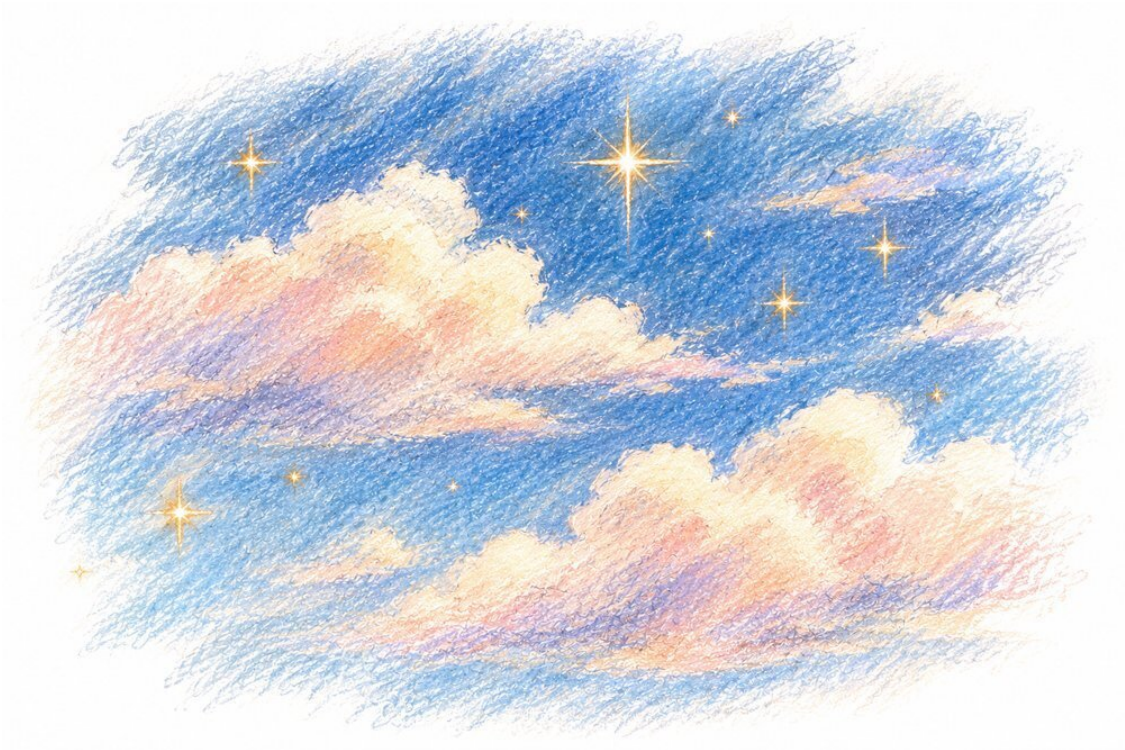
Часы пробили восемь. На кухне у мамы было немножко темно, но уютно и тепло. Мама просыпалась рано даже по выходным, потому что у неё всегда было много дел.

Руни тоже просыпался рано по выходным, но не из-за дел, которых у него было совсем немного, а просто потому, что любил посидеть у мамы на кухне, пока папа спит, пока дом спит, пока деревья за окнами спят. Руни всегда так говорил и думал так же: «у мамы на кухне». Не потому, что кухня была только мамина и ничья больше, а потому, что мама никогда не сидела на кухне: она всегда была на ногах, всегда хлопотала. Посидеть на кухне можно было у мамы, но никак не с мамой.

Сегодня, зайдя на кухню, Руни сразу увидел маленький золотистый лист, прилипший к оконному стеклу. Мальчику сперва показалось, что это не лист, а яркая наклейка, оставшаяся после празднования его дня рождения. Странно всё это, — не подумал, а скорее почувствовал Руни. Ведь так быстро, как лето, ничто и никто не проносится ни сквозь тебя, ни мимо. Ни осень, ни весна, ни зима. Зима, так та вообще медлит и медлит, медлит и медлит… особенно напоследок. Встанет на пороге, да так и стоит, хоть видит сама: абсолютно всем, даже самым терпеливым, давно наскучило её присутствие. Кто же не хочет со всех ног побежать по своим весенним делам? Руни, обмотав шею шарфом и подолгу стоя у приоткрытого окна, иногда представлял, каково ей. Каково Зиме. Все уже выглядывают в окна, вот как он сейчас, ждут Весну. Занавески летают, карамельные воздушные фабрики работают во всю мощь, капель звенит, птицы очумели от счастья. Все улыбаются друг другу и небу.

А Зиме, получается, брести одной по дороге в никуда и прятаться где-то ото всех до следующего года?

Руни Зиме сочувствовал. Но ни за что, ни за что, ни за что на свете не попросил бы её задержаться ещё на чуть-чуть. Извини, Зима. Береги себя и до встречи.

Глава вторая. Точка сборки

Руни и Лето

Руни повертел головой в поисках календаря, но того на привычном месте не оказалось. От неожиданного отсутствия календаря, который всегда висел под часами, сколько Руни себя помнил, мальчик вдруг почувствовал себя странно. Не всего себя почувствовал странно, а ощутил некую лёгкую странность в районе лопаток. Папа Руни, если бы он сейчас проснулся, сказал бы, что там (ну да, где-то там, как раз в районе лопаток) располагается так называемая «точка сборки», и у Руни она в тот момент ррраз! — и переехала на другой уровень.

И это было так, словно Руни на несколько секунд очутился в вечности, в самой настоящей Вечности; в абсолютном безвременье, где, откуда-то он это знал, нет ни часов, ни стен, ни кухни; но где, как он себе представлял, есть бесконечное синее небо, белые (может быть, розовые) облака и добрые, весёлые духи.

Хотя насчёт маминой кухни Руни не был так уж уверен. Где-то в вечности, за всем этим бесконечным небом, белыми — возможно, розовыми — облаками и всегда готовыми помочь духами, обязательно должна быть мамина кухня, на которую он, Руни, приходит посидеть, пока все, кроме мамы, спят. Да, именно так, потому что иначе тогда — КАК?

А ещё в вечности (не то чтобы Руни мог понятно объяснить, но сам себя он всегда хорошо понимал), в вечности, очень высоко, за бело-розовыми облаками, лето может продолжаться ВЕЧНО, ведь на то она и ВЕЧНОсть.

А если и не вечно — эта мысль казалась Руни самой приятной из всех, — то ровно столько, сколько ему, Руни, нужно.

Пока он сам лету не скажет: «Всё, лето, пока, довольно, пора мне и за ум браться», лето будет длиться и длиться, длиться и…

Руни точно знал, что такого никогда не произойдёт.

В смысле, никогда не будет такого, что он сам, по доброй воле, отпустит лето, выпустит его из рук, глаз и сердца лишь потому, что настало время взяться за ум. Ведь взяться за ум означало бы взяться за учебники. Вот ещё! — внутренне расхохотался Руни. Уж чего-чего, а учебников в вечности ТОЧНО не будет!

Глава третья. Лишь бы она смеялась

Руни и воздушные шарики

Мама включила свет, отчего на кухне стало ещё уютней; потом, когда молоко согрелось, она налила Руни какао в большую кружку, заодно поцеловав его в спутанную, ещё пахнущую сном макушку; и вот теперь Руни пил какао, вздыхая и жмурясь от удовольствия, а пока пил и вздыхал, перелистывал страницы новенькой, необыкновенно красивой книги. Обложка у неё была такой яркой, что казалась тёплой на ощупь, как мамина рука на его, Руни, макушке.

Книга была подарком от мамы с папой на его день рождения. Ещё от мамы с папой в качестве подарка Руни получил торт и воздушные шарики, но ни от торта, ни от шариков уже почти ничего не осталось. Особенно от шариков. Ну ничего, ничего — Руни ничего не было жалко. Ведь та девочка, которая Руни очень нравилась, вчера так пугалась, когда шарики лопались, а потом так искренне смеялась над своим испугом; и Руни так нравилось на неё смотреть, смотреть, как она сперва пугается, а потом смеётся, что хоть десять, хоть двадцать воздушных шариков — пусть лопаются все, лишь бы она смеялась ещё и ещё. Пугалась девочка несильно, по-настоящему, но несильно; ведь нельзя не испугаться, когда лопается воздушный шарик прямо у тебя над ухом. Бах!

Руни быстро поставил кружку с какао на стол, чтобы не расплескать. Смех и нежность переполняли его сердце и грозили вот-вот перелиться через край.

Глава четвёртая. Глянцевое море

Руни и Йемайя

В большой толстой книге, которая лежала перед Руни на кухонном столе, жила Африка. Не описывалась Африка, не рассказывалось об Африке. Африка в книге именно жила: золотая, гибкая, жаркая, чёрная, самозабвенно танцующая под миллиардом ярчайших звёзд. В какой-то момент (мальчик не успел заметить, в какой именно) весёлая знойная волна подхватила его; Руни начало казаться, что он исчезает среди страниц книги, становится одновременно и крошечным львёнком с колючками в гриве, и перламутровой песчинкой под ногами танцующего Ориша, и яркой искрой, с треском вылетающей из костра. Он вдруг почувствовал себя могучим леопардом и услышал, как темнота (в Африке была ночь) наполняется его протяжным сонным вздохом; затем Руни стал змеёй и увидел свой след, почти совсем невидимый, лишь чуть фосфоресцирующий на тёмной воде.

Потом, уже перед сном, когда выходной день закончился, Руни лежал в постели с закрытыми глазами и пересказывал себе полюбившиеся африканские истории. И когда веки его окончательно потяжелели и слиплись от сладости приближающегося сна, мальчик увидел, как оживает ещё одна картинка из книги.

Руни никогда не видел настоящего моря, поэтому, наверное, сине-пенное море из книги, ожившее в его сне, всё время оставалось немножко глянцевым. Но главное было то, что из этого книжного глянцевого моря выходила его мама. Руни, конечно же, понял, что это не мама, но не сразу.

Платье у женщины было бело-синее, всё в оборках и в солнечных блёстках. Волосы волнистые, длинные-предлинные, такие длинные, что конца их Руни не нашёл, даже заглянув за горизонт.

Женщину звали Йемайя. Руни ещё какое-то время пытался понять, чем же она так похожа на маму, но не понимал, не понимал, не… Мальчик уже давно крепко спал, а женщина с такими же любящими глазами, как у его мамы, качала его то ли на руках, то ли на волнах. На волнах бело-синего, очень пенного, немножко глянцевого книжного моря.

Глава пятая. Держаться молодцом

Руни и мороженое

Наутро выяснилось, что у Руни побаливает горло.

— Мороженое, — вздохнула мама.

Мама тоже любила мороженое, поэтому понимала сына как никто.

Руни не отрицал. Он был откровенно счастлив и надеялся поболеть подольше.

Вообще, болел Руни не так чтобы часто, но иногда всё-таки болел. Простужался, случалось, или, как на этот раз, съедал слишком много пломбира зараз. Но был у него школьный друг, который, как ни старался, заболеть не мог. Бывало, перед важной контрольной им обоим нужно было срочно занемочь. Тогда, если на улице было достаточно холодно, Руни после уроков шёл не к себе домой, а к другу в гости. С удовольствием пообедав, напившись горячего чаю с коржиками и стараясь держаться молодцом, мальчики выходили на балкон. В куртках, но без обуви и носков, они героически ступали на холоднющую плитку балкона. Приплясывая от холода, друзья держались, сколько могли. Оба всякий раз надеялись на лучшее. Руни иногда действительно удавалось слечь и пропустить контрольную, а иногда он заболевал потом, на выходные. Это было очень, очень обидно! Но другу было ещё обидней, потому что он так ни разу и не заболел ни в день контрольной, ни после. Представьте себе, ни разу за всю школьную жизнь не пропустить ни сочинения, ни диктанта, ни проверочной! Что могло быть обидней?

Потом, когда Руни вырос и у него самого появился сын (сперва) и пошёл в школу (чуть позже), он ни разу ему не рассказал — и словом не обмолвился — о той ледяной плитке на балконе. Может, просто забывал рассказать. Но, скорее всего, взрослому Руни стало страшно на неё ступать даже в собственных воспоминаниях. Только вот боялся он — очень боялся — уже не за себя.

Глава шестая. Трое друзей

Руни и папина коллекция

Перед уходом на работу в комнату Руни заглянул папа.

— Как ты себя чувствуешь, дружок? Чем думаешь заняться, пока болеешь?

Руни, блаженствуя, ни о чём пока не думал. Но оказалось, что папа успел подумать за него.

— Если захочешь, Рун, можешь пойти в мой кабинет, посмотреть на камни. Давненько мы с тобой их вместе не рассматривали, да, сын?

Папа увидел, как вспыхнули радостью глаза мальчика. Наклонился, легонько коснулся губами его лба. Уже стоя в дверях, помахал на прощание рукой.

— Выздоравливай, родной.

Как только за папой закрылась дверь, Руни сел на кровати, надел тёплые носки, подумал немного, надел и тапочки — на случай, если откроет дверь, а там, за дверью, мама — пришла его проведать.

Дело в том, что у Руни было трое друзей, и всех троих он очень любил. По-разному любил, но всем сердцем. Один друг был школьный, тот, который никогда не болел. Вторым другом был старый игрушечный волк, надёжный, как скала, и мягкий, как бархатная подушка. А вот третьим другом был тёмно-синий лазурит из папиной коллекции минералов. Это папа называл камни минералами, а Руни всегда, и про себя, и вслух, называл камни камнями: на его взгляд, так звучало с уважением и одновременно по-дружески. Камень Лазурит жил в их семье, но никто, кроме Руни, не знал, что это друг, чудесный утешитель и сказочник, не хуже Ганса Христиана Андерсена. Камень был полон волшебных историй, словно шкатулка открывалась, а там — сокровища. Хотя, может, папа тоже догадывался, что Лазурит — волшебник? Руни замер, наморщив лоб. Но почти тут же решил, что лучше спросит у самого папы вечером. Лоб мальчика разгладился, он счастливо вздохнул. По коридору Руни почти бежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.